

СЕДЬМОЙ ГОСТЬ

Ани Еганян

Ани Еганян

Седьмой гость

<https://litres.ru/74628574>

SelfPub; 2026

Аннотация

Шестеро незнакомцев получают приглашение на ужин в старый особняк на острове у английского побережья. На столе — семь приборов, хотя гостей всего шесть. В разгар вечера каждый узнаёт страшную правду: по официальным документам все они погибли более двадцати лет назад в одной детской катастрофе. Когда в доме происходит первое убийство, становится ясно — кто-то собрал их здесь не случайно. Чтобы дожить до утра, им придётся вспомнить прошлое, которое у них украли, и понять, кто из них на самом деле должен был занять место седьмого гостя.

Ани Еганян

Седьмой гость

АНИ ЕГАНЯН

СЕДЬМОЙ

ГОСТЬ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

«Некоторые люди умирают дважды.

Сначала — на бумаге. Потом — по-настоящему».

Все события и персонажи вымышлены. Совпадения случайны.

ПРОЛОГ

Ноябрь 2005 года

Девочка умела считать до тысячи. В тот вечер она досчитала до шестисот двенадцати, сбилась и начала сначала. Из-за двери доносились голоса, а снаружи ветер бился о старые стёкла так настойчиво, словно тоже хотел войти.

Подсобка находилась под западной лестницей Грейвен-холла. Здесь хранили ведра, сломанную садовую мебель и рождественские украшения, которыми уже несколько лет никто не пользовался. Пахло мокрым деревом, углём и сладковатой краской. Девочка сидела на низком ящике, обхватив колени. Её мать сказала: «Ни с кем не разговаривай. Не открывай, даже если попросят. Я вернусь». Потом повернула ключ снаружи.

Мама никогда не нарушала обещаний. Иногда опаздывала на пять или десять минут, но это было совсем другое.

На двести тридцать восьми в коридоре остановились двое.
— Вы не можете так поступить, — сказала женщина.

Мамин голос. Девочка вскочила, ударившись плечом о полку.

— Мы это уже обсуждали, Лена, — ответил мужчина. Он говорил мягко, с той учтивостью, которой пользовался, когда в доме были гости. — Машина уедет через десять минут.

— Там дети.

— Дети будут в безопасности.

— Шестеро детей, — сказала мама, и это прозвучало как обвинение.

Мужчина выдержал паузу.

— Шестеро зарегистрированных детей.

Девочка нахмурилась. Она не понимала этого выражения. Все дети, которых она знала, были настоящими: Феликс со сбитыми костяшками пальцев, Клара с привычкой прятать

под матрасом книжки, мальчик, которого все называли Саймоном и который умел имитировать голоса взрослых. Иногда они тайком приносили ей конфеты и шутили, что она призрак дома, потому что в столовой её никогда не видели.

— А моя дочь? — спросила мама.

— Твоя дочь не имеет к этому отношения.

— Ей двенадцать лет.

— Тогда она достаточно взрослая, чтобы держать язык за зубами.

Потом послышался удар. Негромкий, будто на пол уронили тяжёлую книгу.

— Мама? — позвала девочка.

В коридоре стихли голоса. Она зажала себе рот рукой. Мать велела молчать. Девочка попробовала снова считать, но не смогла вспомнить, на каком числе остановилась.

— Уберите здесь всё, — произнёс мужчина.

Шаги удалились. Где-то открыли наружную дверь, и в дом ворвался ветер. Из-за его свиста девочка почти не услышала, как завёлся двигатель во дворе. Она взобралась на ящик и заглянула в маленькое окно под потолком.

За деревьями стоял белый микроавтобус. По мокрой гальке двигались два силуэта в плащах. Один поднял с земли чемодан, положил его в багажник; другой сел за руль. Когда машина тронулась, девочка ждала обычного крика с заднего сиденья, чьей-нибудь песни, стука ладоней по стеклу. Но микроавтобус прошёл под фонарём совершенно тихо.

Она знала, как шумят дети перед поездкой. Эти не шумели.

Девочка слезла с ящика и потянула дверь. Ручка повернулась. Запор почему-то был открыт. В коридоре было пусто. Тёмно-красная дорожка уходила к главному холлу, где стояли большие часы. Они показывали восемь сорок семь. Мать любила говорить, что часы в Грейвен-холле всегда спешат на одиннадцать минут: хозяин так и не распорядился их починить.

На полу возле лестницы лежала мамина заколка — чёрная, с одним сломанным зубцом. Девочка узнала её сразу. Подняла и сжала в ладони, пока острый край не впился в кожу.

— Мама?

Ответа не было. Она прошла мимо портрета женщины с белой собакой. Под подошвами хрустнуло стекло. У двери в музыкальную комнату тянулась мокрая полоса; кто-то протащил здесь тяжёлый предмет. В темноте наверху что-то щёлкнуло.

— Ты ещё здесь? — раздался голос.

В дальнем конце коридора стоял мужчина в белой рубашке. На манжете темнело маленькое пятно. Девочка слишком хорошо знала этот голос, чтобы не испугаться.

Он приблизился, присел перед ней и улыбнулся так, как улыбаются на семейных фотографиях.

— Как тебя зовут, дорогая?

Странный вопрос. Он слышал её имя сотню раз. Даже поправлял мать, если та забывала упомянуть второе.

— Где мама?

— Сейчас мы всё уладим. Сначала скажи своё имя.

В этой просьбе было что-то пугающе взрослое, окончательное. Словно от ответа зависело не то, выпустят ли её из дома, а то, кем она выйдет наружу.

Сверху донёсся скрип. На лестнице, за спиной мужчины, мелькнул светлый рукав — кто-то стоял на площадке и смотрел вниз. Девочка увидела только руку, сжимающую перила. На безымянном пальце блеснуло тонкое серебряное кольцо.

— Ну же, — повторил мужчина. — Тебе нечего бояться.

Она медленно разжала ладонь. Чёрная заколка оставила на коже кровавый след. Девочка посмотрела на человека перед собой и впервые не поверила взрослому.

— Не знаю, — ответила она.

А потом со стороны моря ударил колокол.

Много лет спустя она будет утверждать, что именно тогда перестала быть ребёнком. Но это неправда. Ребёнком она осталась ещё надолго; просто в ту ночь узнала, что имя можно отнять легче, чем обувь, а человеку достаточно улыбнуться, чтобы окружающие перестали замечать кровь на его руках.

**ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРИГЛАШЕНИЕ ДЛЯ МЁРТ-
ВЫХ**

ГЛАВА 1. ПИСЬМО БЕЗ ОБРАТНОГО АДРЕСА

Двенадцать лет назад

Когда Изабель было двадцать один, она впервые попыталась найти записи о своём рождении. Тогда это не казалось расследованием. Просто на медицинском факультете студентам дали задание составить семейную историю заболеваний, и у неё обнаружилась пустота там, где у остальных были имена бабушек, сведения о хронических болезнях, фотографии родственников. Изабель знала, что её приняли в семью не сразу после рождения, но Мэриан всегда говорила об этом с осторожной нежностью: «У тебя было непростое начало, зато теперь всё хорошо».

Она пришла на кухню с анкетой и спросила, откуда взялась. Мэриан стояла у раковины и мыла яблоки. Изабель запомнила эту деталь отчётливее самого разговора. Мать опустила фрукт в воду, потёрла кожуру большим пальцем и долго не оборачивалась.

— Тебя привезли к нам после того случая на побережье, — наконец сказала она. — Об этом писали в газетах. Несколько детей спасли, но документы были в ужасном состоянии. Потом тебе выдали новые.

— А кто была моя мама до тебя?

— Я не знаю.

В ответе не прозвучало агрессии. Только утомление. Изабель захотелось извиниться за вопрос. Она всегда так делала,

когда замечала, что взрослым больно из-за её любопытства.

— Мне нужна информация для университета, — объяснила она.

Мэриан подала полотенце и вытерла руки.

— Напиши, что сведений нет. Это правда.

Изабель написала именно так. Преподаватель не придал отсутствующим строчкам значения, но вечером девушка не смогла уснуть. Она думала не о неизвестной матери, которую никогда не видела, а о Мэриан: почему та держала яблоко так крепко, что ногти побелели? Почему не спросила, хочет ли дочь продолжить поиски? И почему самое простое слово «правда» прозвучало так, будто в нём заключено предупреждение?

Через месяц Изабель поехала в прибрежный архив. Ей дали старый справочник учреждений, разрешили пользоваться компьютером и предупредили, что часть записей закрыта. Она нашла упоминание частного детского дома на острове, но не связала его с собственной историей. Название показалось сказочным: «Дом святой Эдит». Ещё раз зашла в Интернет, увидела снимок здания над морем, а потом закрыла вкладку. Было слишком много экзаменов, слишком мало денег и слишком удобная жизнь, чтобы разрушать её вопросами без гарантии ответа.

Годы шли. Изабель окончила факультет, вышла замуж, родила Еву. Иногда ей снился длинный коридор, в конце которого стояла женщина в тёмном платье. Изабель пыталась

подойти, но всякий раз видела только спину. Она рассказывала Дэниелу о сне; тот шутил, что молодому врачу пора меньше дежурить. Изабель соглашалась. Люди умеют хорошо устраиваться внутри собственной неизвестности, если там достаточно других забот.

Теперь, в ординаторской, с чужим свидетельством о смерти в руках, она вспомнила тот университетский вечер. Мэриан, яблоко, вода в раковине. Тогда Изабель решила, что мать не знает ничего. Возможно, она действительно не знала. Но, может быть, боялась того, что однажды узнают обе.

* * *

16 октября 2026 года

Когда Изабель Уэст впервые увидела собственное свидетельство о смерти, она допивала холодный кофе у окна больницы ординаторской.

Смена заканчивалась плохо. В три часа ночи к ним привезли подростка с переломом основания черепа; в четыре отец пациентки устроил скандал из-за времени ожидания; в шесть старшая медсестра сказала, что уволится, если администрация снова не найдёт людей на вечер. Изабель хотела только тишины. Дома её ждала Ева, школьная форма, которую надо было погладить, и нескончаемый разговор с бывшим мужем о том, что в эту субботу он опять задержится.

Конверт лежал в её служебном шкафчике между сменной футболкой и пачкой солёных крекеров. Плотная бумага цвета слоновой кости, никаких штампов, на лицевой стороне ак-

куратно выведено: «Доктору Изабель Уэст. Лично».

В больнице существовали вещи, о которых не говорили даже на кухне, когда смена кончалась и дежурные могли наконец сесть. Например, последняя просьба умирающего, адресованная вовсе не врачу. Или то, как долго родственники держат в руке бумажный стаканчик, из которого уже выпили воду. Изабель знала такие подробности лучше, чем собственную родословную.

По дороге к шкафчику её остановила старшая медсестра Нора. В ладони у той лежала маленькая пластмассовая фигурка лошади: вчера Изабель нашла игрушку под каталкой и попросила сохранить для девочки из палаты наблюдения. Девочка уже ушла домой, а лошадь осталась.

— Ты ведь сама мать, — сказала Нора. — Как выдержишь всё это?

Изабель повертела фигурку. У лошади не хватало одной ноги, но она всё равно стояла, если прислонить её к стене.

— Никак. Просто утром снова прихожу.

— Хороший ответ для собеседования. Плохой — для жизни.

Нора не стремилась её утешить. За десять лет совместных дежурств они научились проявлять заботу короткими неласковыми фразами. Иногда это помогало лучше объятий.

— Тебе звонили из школы, — добавила Нора. — Сказали, Ева просила разрешения забрать рисунок с выставки. Какое-то дерево.

— Опять?

Дочь рисовала одинаковые деревья: широкий ствол, две тонкие ветви и маленький домик среди корней. Психолог однажды спросил, откуда у Евы такой образ. Девочка ответила, что дерево придумала мама. Изабель не помнила, чтобы показывала дочери подобные рисунки. Она решила, что та смешала сон с воспоминанием, как делают дети.

— Поезжай домой, — сказала Нора. — И не проверяй сообщения всю дорогу.

Уже после того, как она открыла конверт, Изабель вдруг вспомнила дерево. Не сам рисунок, а запах карандашной стружки и шершавую бумагу под пальцами. Воображение подбросило картину: маленькая рука выводит корни, похожие на расставленные пальцы; за дверью взрослые спорят; кто-то велит не смотреть в окно. Память оборвалась, оставив после себя стыд, словно она подслушала собственную чужую жизнь.

Она вернулась в ординаторскую и открыла электронную историю болезни того подростка, которого привезли ночью. Девочка выжила, хотя первые часы никто не мог обещать этого. В разделе «контактное лицо» стояло имя матери. Изабель прочитала его несколько раз. Любой человек в больнице имел хотя бы одну строчку, связывающую его с другим человеком. Если её собственное свидетельство о смерти было настоящим, кто написал эту строчку о ней? Кто тогда держал её за руку после температуры, учил читать, выбирал школь-

ную форму?

Изабель сняла со стены служебный календарь. Восемнадцатое октября приходилось на воскресенье. Она могла съездить на побережье и вернуться, пока Ева не успеет соскучиться. Именно так выглядело разумное решение. Она переписала адрес из письма на оборот рецептурного бланка, сложила его вчетверо и спрятала в карман — будто адрес, произнесённый вслух, мог стать опаснее.

Она повертела конверт. На обороте не было ни адреса, ни подписи, лишь едва заметный отпечаток круга, похожий на след от влажного стакана.

Внутри оказалось приглашение, сложенное втрое.

«Вам предлагается присутствовать на частном ужине в Грейвен-холле, 18 октября, в восемь вечера. Будут представлены документы, касающиеся вашего детства и обстоятельств вашего усыновления. Ваше присутствие необходимо, если вы хотите узнать, почему в государственных архивах имеется запись о вашей смерти. Дорога на остров открыта до семи сорока. Просьба не привозить сопровождающих».

Внизу было написано: «Шестеро получают ответы. Седьмой вернёт своё».

Изабель почувствовала раздражение раньше страха. Она не любила розыгрыши. Особенно те, в которых кто-нибудь считал допустимым копаться в чужом прошлом.

Усыновление никогда не было тайной. Её родители, Питер и Мэриан Уэст, рассказали всё, когда ей исполнилось четыр-

надцать. О происхождении знали мало: трудные обстоятельства, временная опека, трагическая потеря документов во время пожара. Изабель не задавала лишних вопросов. Мэриан плакала всякий раз, когда разговор заходил об этом, и девочка быстро научилась беречь её.

К приглашению был приколот небольшой снимок. Семь детей у каменной стены: шестеро стояли вместе, а седьмая девочка виднелась в глубине, у двери. Лица были слегка размыты, словно фотограф торопился. На краю снимка, где свет выел эмульсию, Изабель увидела себя.

Она не была уверена. Пятнадцать лет работы в медицине научили её относиться к памяти с подозрением, а собственные детские снимки она знала плохо. Но знакомыми были линия бровей и то, как девочка прижимала к груди левую руку, будто хотела спрятать пальцы.

На обороте простым карандашом было написано: «Не верь часам в холле».

— У тебя лицо как у человека, которому выставили счёт за чужую операцию, — сказала Нора, коллега, остановившись у двери.

Изабель протянула ей письмо.

Нора прочитала молча. Потом перевернула фотографию.

— Это кто-то из семьи?

— Не знаю.

— Обратись в полицию.

— И скажи что? Что неизвестный человек знает о моём

усыновлении и прислал ужасающе дорогую бумагу?

— Что тебе угрожают.

— Здесь не написано, что мне угрожают.

— Иногда люди пишут вежливо ровно перед тем, как сделать что-нибудь отвратительное.

Изабель хотела возразить, но обнаружила, что уже третий раз перечитывает одну строку: «запись о вашей смерти».

Она открыла браузер и поискала название особняка. Грейвен-холл существовал. Каменная усадьба на приливном острове у побережья Нортумберленда. Исторический дом, несколько лет закрытый для посещений, после смерти владельца выставившийся на продажу. Фотографии показывали длинные окна, черепичную крышу, террасы и дорогу, которая выглядела как мокрая царапина на поверхности моря.

— Не едь, — сказала Нора.

Вместо ответа Изабель достала телефон и набрала номер Мэриан. Гудки шли долго. Когда мать подняла трубку, Изабель почти передумала спрашивать.

— Мам, ты когда-нибудь слышала о Грейвен-холле?

В трубке зазвенела ложка о чашку. Несколько секунд никто не говорил.

— Откуда ты узнала это название?

Изабель выпрямилась.

— Значит, слышала.

В тот же день Изабель попыталась найти сведения об Алисе Роуэн в открытых архивах. Запросы возвращали объявле-

ния о судебных заседаниях, записи о продаже домов, газетные вырезки с чужими лицами. Имя встречалось слишком часто и ни разу не совпадало с датой, указанной в справке. Она несколько раз начинала печатать запрос, затем стирала его: «приют 2005 дети погибли», «английское побережье микроавтобус», «девочка Алиса Роуэн». С каждым новым сочетанием букв происходившее становилось реальнее.

В местной газете двадцатилетней давности нашлось короткое сообщение: во время шторма микроавтобус с воспитанниками частного учреждения сорвался с дороги в море. Спасатели обследовали берег, но тел не обнаружили. Статью сопровождала фотография белого автомобиля, стоявшего возле закрытых ворот. Изабель увеличила изображение и заметила, что на задней двери нет ручки. Это могло быть особенностью модели или ошибкой снимка. Ей стало неприятно от самой мысли, что она ищет объяснение несуществующей смерти по такой детали.

Позвонил бывший муж Дэниел. Он спрашивал, заберёт ли она Еву после школы. Изабель смотрела на экран ноутбука и сказала, что будет дома вовремя. Дэниел сразу заметил её отсутствующий голос. Он никогда не умел угадывать причины её тревоги, но хорошо помнил её интонации.

— Опять больница? — спросил он.

— Нет. Старые семейные бумаги.

— С Мэриан всё нормально?

— Думаю, да. Просто обнаружилась какая-то путаница.

Дэниел не стал расспрашивать. Они развелись спокойно и всё ещё умели оставлять друг другу пространство. Изабель поймала себя на желании рассказать ему всё — не потому, что он мог помочь, а потому, что тогда страх перестал бы принадлежать только ей. Но свидетельство о смерти с её детской фотографией выглядело слишком невероятным даже для человека, который знал её пятнадцать лет.

Вечером она открыла ящик с документами и нашла копию собственного свидетельства о рождении. Дата отличалась от той, что стояла на бумаге Алисы. Изабель приложила листы друг к другу на просвет, словно один мог выдать скрытую надпись другого. Бумаги не ответили. Зато рядом обнаружилась школьная фотография, на которой у неё была по-детски серьёзная улыбка и бинт на правой руке. Изабель долго смотрела на бинт, не понимая, когда успела сломать палец. Раньше она никогда не задавала этот вопрос.

— Обещай, что никуда не поедешь.

— Мам, что это за место?

— Я не могу сейчас говорить.

Связь оборвалась.

Изабель посмотрела на фотографию. До этого письма её жизнь казалась состоящей из недостатка времени, неоплаченных счетов и привычной любви к дочери. Теперь в этой жизни появилась дверь, о существовании которой она не подозревала. За дверью кто-то произносил её имя чужим голосом.

Перед тем как выйти из больницы, она спрятала фотографию в карман куртки, а письмо — в рабочую сумку. На лестнице остановилась и перечитала предупреждение на обороте ещё раз.

«Не верь часам в холле».

В полдень позвонил отец Евы. Он сообщил, что в воскресенье всё-таки сможет забрать дочь на ночь. Изабель спросила, не согласится ли он приехать на день раньше.

— У тебя что-то случилось? — спросил он.

— Пока нет, — сказала Изабель.

И впервые за долгое время ей захотелось, чтобы это было правдой.

ГЛАВА 2. ПОСЛЕДНЯЯ ДОРОГА

Май 2018 года

Когда Еве было всего несколько месяцев, Изабель однажды проспала собственный день рождения. Дэниел приготовил завтрак, оставил открытку на кухонном столе и ушёл на работу. Она проснулась от детского плача, увидела дату на телефоне и удивилась, насколько легко целый день может перестать существовать внутри чужой потребности. Потом взяла дочь на руки и поняла, что впервые её это совсем не огорчает.

В тот год Мэриан часто приезжала помогать с ребёнком. Она умела успокаивать Еву тихим напевом, который никогда не называла песней. Изабель спросила, откуда он взялся.

Мать сказала, что пела его ей самой, когда та плохо спала после переезда в семью. Мелодия была простой, почти лишённой слов. Изабель иногда ловила себя на том, что напевает её пациентам, которым страшно в приёмном отделении.

Однажды Ева заболела, и Изабель почти сутки не выпускала её из рук. Мэриан сидела рядом и вдруг произнесла: «Я никогда не хотела, чтобы ты чувствовала себя чужой». Слова не имели очевидного отношения к болезни ребёнка. Изабель решила, что мать вспоминает сложные первые годы. Она ответила, что всегда любила свой дом, и Мэриан заплакала. Тогда Изабель обняла её, не требуя объяснений.

Спустя годы, получив свидетельство о смерти, она будет пересматривать этот разговор снова и снова. Знала ли Мэриан, что имя принадлежало другой девочке? Подозревала ли, что прошлое ребёнка скрыто незаконно? Или просто боялась, что дочь однажды найдёт биологических родственников и перестанет считать её матерью? Любой ответ мог одновременно объяснить и не оправдать молчание.

На дороге к Грейвен-холлу Изабель вспомнила то утро особенно остро. В её кармане лежала розовая резинка Евы, подаренная на счастье. Она поняла, что не сможет решить вопросы о собственном детстве, не заговорив однажды с дочерью. Ей хотелось рассказать правду так, чтобы Ева никогда не сомневалась в простом: мать останется её матерью, даже если выяснится, что в документах когда-то написали чужое имя.

Изабель остановила машину на небольшой площадке перед берегом и записала голосовое сообщение. В нём не было страшных сведений о приюте, только обычные слова: «Ева, я тебя люблю. Вернусь завтра и мы доделаем твоё дерево». Сообщение осталось в телефоне; отправлять его она передумала. Ей хотелось произнести это лично, не в записи. Потом включила двигатель и поехала к острову.

* * *

Утром восемнадцатого октября дождь шёл почти горизонтально. Ветер гнул придорожные деревья, и дворники машины перестали справляться уже через двадцать километров от дома.

Ева настояла, чтобы мать взяла её розовую резинку для волос. «На счастье», — сказала она с серьёзностью ребёнка, который ещё верит, что мир принимает такие договоры. Изабель надела резинку на запястье, поцеловала дочь в макушку и пообещала вернуться к завтрашнему ужину.

На выезде из города ей пришлось остановиться: впереди грузовик медленно пересекал дорогу, унося за собой облако грязной воды. Изабель выключила радио. В тишине салона особенно отчётливо звучало собственное дыхание. Она не любила водить в плохую погоду. Дорога всегда казалась слишком узкой, встречные машины — слишком уверенными, а вся её жизнь — тем, что могло закончиться от одного чужого движения руля.

На пассажирском сиденье лежал рисунок Евы. На этот

раз дерево было нарисовано иначе: у корней стояли две женщины, одна держала другой красный шарф. Когда Изабель спросила, кто они, дочь ответила, что это «мама и мама до мамы». Детям полагалось придумывать странные вещи; взрослым — не искать в каждой странности пророчества. Но рисунок она всё же взяла с собой.

В соседнем посёлке дорогу перекрыли из-за упавшего дерева. Полицейский в жёлтом плаще объяснил объезд. Пока она ждала, за стеклом кафе напротив увидела пожилую женщину, которая поправляла шарф на шее мальчика лет семи. Мальчик отстранялся и смеялся. Изабель внезапно вспомнила свою приёмную мать Мэриан, как та застёгивала на ней пуговицы слишком туго, а потом нервничала из-за красных следов на коже.

Мэриан была человеком порядка. Квитанции в её доме раскладывались по годам, фотографии — по конвертам, домашние лекарства — по сроку годности. Только одна тема оставалась без папки: годы до появления Изабель в их семье. «Тогда многое сгорело», — повторяла мать. Изабель принимала это как формулу печали, которую приличный человек не трогает руками. Теперь формула выглядела удобной ложью.

Она набрала Мэриан ещё раз. На этот раз та ответила.

— Где ты? — прозвучало прежде приветствия.

— В дороге. Я хотела спросить про приют.

Слова повисли между ними. Изабель услышала тихий

лязг посуды: мать, должно быть, стояла на кухне. Они обе всегда уходили на кухню, когда не знали, что сказать.

— Я просила тебя не возвращаться к этим людям, — наконец произнесла Мэриан.

— К каким людям? Ты никогда не называла имён.

— И сейчас не стану. Это не моя история, Изабель.

— Но она моя.

Мать долго молчала. Затем сказала, что когда девочку привезли, у неё был переломан мизинец правой руки. Травма срослась неправильно; врач предупредил, что когда-нибудь палец начнёт болеть от холода. Изабель машинально взглянула на руль. Именно он и болел сейчас.

— Почему ты мне не рассказывала?

— Потому что ты тогда спрашивала о другом. Ты хотела знать, навсегда ли останешься с нами.

Связь оборвалась, когда машина въехала в ложбину. Изабель ещё некоторое время держала телефон возле уха. В словах матери не было оправдания; это делало их страшнее. Она могла оказаться одновременно любящей женщиной и человеком, который двадцать лет прикрывал преступление, решив, что делает добро.

Она не сказала, куда едет. Бывшему мужу сообщила только, что должна разобраться с документами. Он не стал уточнять. Их брак распался не от измен, криков или страшной тайны, а от бесконечного отсутствия сил на разговоры. Изабель иногда думала, что самые крепкие стены между людьми

строятся из вежливости.

По дороге она снова набирала мать. Ответа не было. В половине пятого пришло короткое сообщение: «Не делай того, о чём потом пожалеешь». Изабель перечитала его трижды. В нём не было ни объяснения, ни признания; только страх, в котором ей вдруг почудилось что-то старое и давно выученное.

На заправке неподалёку от побережья она остановилась за кофе. Женщина за кассой спросила, куда держит путь, увидев адрес на экране телефона.

— На Грейвенский остров.

Кассирша поставила стакан на стойку, не отпуская его сразу.

— Следите за приливом. Дорогу смывает раньше, чем обещают таблички.

— Я успею до восьми.

— До восьми поздно. К семи сорока вы уже должны быть там. Ночью здесь вода быстро приходит.

Изабель кивнула. Женщина посмотрела на неё внимательно.

— В доме опять кто-то живёт?

— Не знаю. Меня пригласили.

— Странные люди выбирают странные места, — сказала кассирша и наконец отпустила стакан.

За прибрежной деревней дорога сузилась до одной полосы. Слева темнели невысокие холмы, справа открывалась се-

рая полоса моря. Потом появился указатель, почти стёртый солью: «Грейвен-холл, 3 мили. Проезд при приливе запрещён». Под ним стояли часы с графиком приливов, вписанные в металлическую рамку. Кто-то поверх прозрачного пластика процарапал слово «ПОЗДНО».

Это было глупо, почти театрально, и Изабель рассердилась на себя за то, что сердце всё-таки ускорилося.

Дорога через отмель выглядела ненадёжной: узкая лента асфальта между двумя полями воды, где ветром взбивало светлые гребни. Здесь не было ограждений. На дальнем берегу поднимался остров с тёмными соснами. Дом стоял на высоком уступе, и даже с расстояния двух километров можно было увидеть его башенку с круглым окном.

Изабель убавила скорость. В середине переправы ей показалось, что позади кто-то едет: два белых огонька мелькнули в зеркале. Когда она обернулась, дорога была пуста. Белым светом оказались отражения волн.

У ворот её встретил высокий железный столб с видеокамерой. Из динамика раздался женский голос:

— Назовите ваше имя.

— Изабель Уэст.

Пауза длилась чуть дольше, чем следовало.

— Добро пожаловать, мисс Уэст.

Ворота открылись. Изабель не заметила, что женщина в динамике произнесла её фамилию так тихо, словно боялась, что услышит кто-то другой.

На гравийной площадке стояли три автомобиля. Пока Изабель выбиралась из машины, из соседней вышел мужчина лет тридцати пяти с дорожной сумкой. Он был высокий, одетый в дорогой тёмно-серый костюм, слишком лёгкий для такой погоды. Ветер небрежно шевелил его волосы.

— Вы тоже получили необычное приглашение? — спросил он с улыбкой.

Изабель не ответила сразу.

— Это видно?

— По тому, как вы смотрите на дом. Люди, приехавшие сюда добровольно, обычно восхищаются архитектурой. Люди, которых сюда позвали, ищут выход.

— А вы к какой группе относитесь?

— Я ещё не решил. Джулиан Фрост.

Он протянул руку. Ладонь была сухая и тёплая. Уверенное рукопожатие человека, привыкшего представляться первым.

На выезде к побережью Изабель встретила старика в синей куртке, который продавал яблоки из кузова маленького фургона. Он увидел адрес на бумаге, лежавшей возле руля, и посоветовал не ехать на остров после шести. Дорога, по его словам, обманывала даже местных: вчера она была широкой и безопасной, а сегодня исчезала за считанные минуты.

— Там кто-нибудь ещё живёт? — спросила Изабель.

Старик посмотрел на тёмную линию моря.

— Дом живёт, — сказал он. — С людьми сложнее.

Она решила, что это попытка напугать приезжую, чтобы разговор длился дольше и можно было продать ещё килограмм фруктов. Купила три яблока, хотя в салоне уже лежало печенье для дороги. Старик завернул покупки в газету. На одной полосе виднелась статья о продаже старинного имущества; Грейвен-холл упоминался там как объект судебного спора.

— А что за спор? — спросила она.

— Старый хозяин умер. Родственники судятся с фондами. Те пытаются доказать, что он им обещал половину острова. Земля сама никому не нужна, только бумаги.

Изабель вспомнила конверт. Кто-то не просто приглашал её в старый дом, но выбрал момент, когда имущество переходило из рук в руки. Это объясняло спешку лучше любой романтической истории о тайной встрече.

Пока она ехала по узкой дамбе, ветер стал таким сильным, что машину пришлось вести почти шагом. Вдали остров поднимался из серого моря, как недостроенная крепость. Изабель подумала о том, сколько людей должны были перевозить сюда материалы для такого здания и как легко при этом не замечать тех, кому выйти отсюда не позволяли.

За воротами стояли несколько чужих автомобилей. На одном ветровом стекле под дворником лежал парковочный талон с логотипом юридической фирмы. Изабель увидела его лишь мельком. Позднее будет вспоминать, почему не остановилась и не рассмотрела название. Ответ окажется про-

стым: тогда у неё ещё не было причины бояться самой обычной канцелярской бумаги.

— Изабель.

— Рад знакомству. Нас, кажется, будет шестеро.

— Почему шестеро?

— Именно столько машин может вместить эта маленькая парковка, — сказал он.

Это прозвучало как шутка, но Изабель не улыбнулась.

На верхнем крыльце появилась женщина в тёмном платье. Она была примерно возраста Изабель, с гладко зачёсанными волосами и лицом, которое трудно запомнить с первого взгляда. Не из-за отсутствия черт — просто женщина словно обучила мышцы никогда не выдавать лишнего.

— Пожалуйста, проходите, — сказала она.

Джулиан поднялся по лестнице. Изабель задержалась, чтобы обернуться к морю. Прилив уже подбирался к дороге, закрывая её по краям. За час она исчезнет полностью.

Когда Изабель вошла в холл, большие настенные часы показали восемнадцать пятьдесят девять, хотя её телефон — только восемнадцать сорок восемь.

Разница была ровно в одиннадцать минут.

ГЛАВА 3. ДОМ, КОТОРЫЙ СМОТРИТ НА МОРЕ

Тишина внутри особняка имела собственный вес. Она давила на уши после ветра, отступала, когда скрипела половица, и возвращалась, едва замолкал шаг.

Мраморный пол холла был покрыт ковровой дорожкой цвета старого вина. Над камином висел портрет женщины с белой собакой. Изабель остановилась. Она не знала, что именно показалось ей знакомым: лицо, странный угол, под которым собака смотрела за пределы рамы, или сама картина, окружённая потемневшим деревом.

— Дом недавно ремонтировали? — спросила она встречавшую их женщину.

— Частично. Восточное крыло закрыто. Не стоит туда ходить.

— Вы управляющая?

— Можно и так сказать. Меня зовут Мэйбл Рид.

Мэйбл произнесла имя ровно, как человек, заучивший длинный пароль. На её шее висела тонкая цепочка с маленьким серебряным медальоном. Кулон был старый, потёртый, с едва различимой гравировкой.

— Вы знаете, кто отправил приглашения? — спросила Изабель.

Старые дома иногда похожи на людей, слишком долго изображающих благополучие. Снаружи Грейвен-холл был отреставрирован с тщательностью, предназначенной для журнальных фотографий: ровные швы кладки, отполированные перила, медные фонари у входа. Но стоило пройти чуть дальше главного холла, как обнаруживались сколы, сырые пятна и щели между досками. Дом будто позволял посетителям видеть лишь ту сторону лица, которую считал прилич-

ной.

Мэйбл проводила Изабель наверх. На стенах лестницы висели изображения побережья в разное время года. Летняя бухта, зимний мыс, шторм с белыми гребнями. На одной акварели дорога к острову отсутствовала, вместо неё была нарисована маленькая пристань. Изабель остановилась.

— Раньше сюда добирались только по воде?

— Когда воды было больше, — ответила Мэйбл.

Ответ показался странным. Мэйбл словно подразумевала не приливы, а прошедшие годы, за которые море могло отступить и снова вернуться. Изабель не стала уточнять.

В отведённой комнате на кровати лежало одеяло, сложенное треугольником. На прикроватном столике стоял графин, рядом — тарелка с двумя зелёными яблоками. Здесь не было ни телевизора, ни часов. Окно выходило на восточную стену и сад с голыми кустами роз. Среди ветвей болталась деревянная качель, хотя на острове, по словам хозяйки, много лет не жили дети.

— Её никто не снял, — объяснила Мэйбл, заметив взгляд Изабель.

— Чью?

Женщина сглотнула.

— Качель. Я говорю о качели.

Они обе сделали вид, что не заметили оговорки. Изабель поставила сумку и проверила оконную раму. Замок открывался без усилия, но до земли было два этажа. На случай по-

жара спускаться здесь было бы опасно; она запомнила это привычным врачебным взглядом человека, постоянно оценивающего пути спасения.

У двери Мэйбл остановилась и вдруг спросила:

— У вас есть дети?

— Дочь. Ей восемь.

На лице женщины отразилось нечто похожее на физическую боль. Она быстро отвела глаза.

— Иногда, — сказала она, — я думаю, что достаточно было бы одного нормального утра. Чтобы мама подняла занавеску, спросила, что приготовить на завтрак, а потом занялась своими делами. Никаких больших событий. Просто утро.

Изабель не знала, как ответить. Подобные признания не делают незнакомым людям в коридорах чужих домов. Но у Мэйбл был такой вид, будто она уже пожалела о сказанном.

— Простите, — произнесла она. — Я давно здесь одна.

Когда дверь закрылась, Изабель увидела на обратной стороне створки следы снятого металлического крючка. Такой крепят, когда хотят запира́ть комнату снару́жи. Она потрогала две маленькие дырочки от шурупов и почувствовала, как по затылку прошёл холод. Дверь можно было отремонтировать, заменить замок, перекрасить дерево. Но след от того, что когда-то человека здесь запирали, оставался даже после самой дорогой реставрации.

— Узнаете за ужином.

— Надеюсь, это не будет очередной загадкой. У меня мало свободного времени.

На лице Мэйбл впервые возникло выражение, похожее на сожаление.

— У некоторых из нас его было ещё меньше.

Ответ прозвучал прежде, чем женщина успела его обдумать. Она быстро отвернулась к небольшой консоли с ключами.

Изабель подняли на второй этаж. Комната была безупречной: тяжёлые шторы, глубокая ванна, стопка полотенец на подогретой полке. На письменном столе стояла миска с зелёными яблоками. Странное гостеприимство для места, куда звали обсуждать свидетельства о смерти.

Положив сумку, Изабель осмотрела окно. Оно выходило во двор и к морю. Вдалеке поблёскивал мокрый асфальт переправы, но вода уже покрывала центральный участок. Даже если сейчас сесть в машину, добраться до материка было нельзя.

Она достала телефон. Два деления связи исчезли, затем появились снова. Изабель позвонила Еве.

— Мам, у папы ужасная пицца, — пожаловалась дочь вместо приветствия.

— Пицца бывает ужасной?

— Если он кладёт туда ананас, да.

Изабель рассмеялась. Впервые за два дня смех не показался ей усилием.

— Я вернусь завтра. Будь послушной.

— Ты же знаешь, я не умею, — ответила Ева.

Связь оборвалась на середине фразы. Изабель попыталась перезвонить, но увидела надпись «Нет сети». Она несколько раз переставляла телефон к окну. Бесплезно.

У дверей раздался лёгкий стук.

В коридоре стоял Томас Элвуд — худощавый мужчина в тёмно-синем свитере, с мокрыми волосами и застенчивой улыбкой.

— Простите. Я, кажется, живу по соседству. Вы случайно не слышите, как в стене кто-то скребётся?

— Возможно, мыши.

— Надеюсь. Дом слишком старый для современных призраков.

— Вы тоже приехали из-за письма?

— Из-за одной строки. «Мы знаем, почему вы не помните свою мать». Сложно не приехать, когда кто-то так пишет.

Он говорил без нажима, словно ему было неловко делиться личным с незнакомкой.

— Вы знаете, кто пригласил нас?

— Нет. Но нашёл в библиотеке газеты. Дом принадлежал некоему Алестеру Рену. Филантроп, попечитель детских учреждений. Награды, фотографии с министрами, всё как полагается.

Изабель вернулась к портрету в холле, пока Мэйбл поднималась за чистым бельём. На раме было выбито имя худож-

ника и год — тысяча девятьсот восемьдесят девятый. Женщина с белой собакой смотрела прямо на зрителя; в её позе не чувствовалось привычной аристократической гордости. Скорее ожидание, будто она знала, что в дверях скоро появится кто-то, кого нельзя пускать внутрь.

Под рамой виднелась щель, закрытая новой деревянной планкой. Изабель наклонилась и заметила царапины, оставленные инструментом. Значит, портрет недавно снимали или открывали пространство за ним. Она не стала прикасаться. В доме, где она гость, слишком легко было принять собственное любопытство за право на чужие вещи.

Из соседнего коридора послышался голос Мэйбл, разговаривавшей по телефону. Связь то и дело обрывалась. Изабель разобрала несколько слов: «проверка», «утром увезут», «пожалуйста, не раньше». Женщина увидела её и сразу закончила разговор. Изабель спросила, всё ли в порядке. Мэйбл сказала, что беспокоится о старых вещах: после продажи особняка их, возможно, раздадут разным владельцам.

— Есть что-то, что вы хотели бы сохранить? — спросила Изабель.

— Голос, — ответила Мэйбл и сама испугалась ответа. — Простите. Я думала о записи одной женщины.

Изабель кивнула. В больнице родственники часто просили сохранить голосовое сообщение умершего, даже если состояло оно из двух обычных фраз. Ничто не казалось настолько дорогим, как ничем не примечательная интонация,

которую больше нельзя услышать.

Мэйбл отвела её от портрета, предложив посмотреть на старую библиотеку. По дороге они прошли мимо фотографии сада. На заднем плане стояли семь маленьких силуэтов, но центральная фигура была почти полностью закрашена гуашью. Изабель не успела рассмотреть её. В тот же момент дверь библиотеки распахнулась, и громкий голос Ребекки вернул её из прошлого в неловкое настоящее.

— Почему вы говорите так, будто сомневаетесь в его благотворительности?

— Работаю в школе. Иногда самое правильное резюме принадлежит человеку, с которым ребёнка ни за что нельзя оставлять наедине.

Томас осёкся, словно испугался собственного признания.

Они прошли к лестнице вместе. Навстречу поднялся запах полированного дерева и запечённого мяса. Где-то играло пианино — три разрозненные ноты, за которыми последовала пауза.

— Здесь кто-то репетирует? — спросила Изабель.

Томас прислушался.

— Не знаю. Когда я пришёл, инструмент был закрыт.

На первом этаже Мэйбл вынесла из столовой серебряный поднос. При виде Изабель она остановилась. Они стояли друг напротив друга несколько секунд — две женщины одного возраста, не узнававшие друг друга, хотя одна из них внимательно разглядывала лицо второй.

— Всё готово, — сказала Мэйбл наконец. — Остальные уже собрались.

И добавила почти шёпотом:

— Не бойтесь того, что узнаете. Бойтесь того, кто заставит вас молчать.

ГЛАВА 4. ШЕСТЬ ПРИГЛАШЕНИЙ

Библиотека напоминала комнату, построенную для того, чтобы в ней произносили длинные речи и никогда не слушали ответы. От пола до потолка тянулись книжные шкафы. На низком столике стоял хрустальный графин с водой, рядом — нетронутые бокалы.

Изабель застала четверых гостей. Джулиан стоял у камина; худощавая женщина с каштановыми волосами листала альбом; рыжеватый мужчина в грубой куртке изучал дверные петли; эффектная брюнетка в бордовом костюме говорила по телефону, хотя аппарат уже потерял сеть.

— Наконец-то, — сказала брюнетка, убирая телефон. — Если нас пытаются похитить, можно было хотя бы предоставить интернет.

— Думаю, при похищении это не входит в обязательный пакет, — ответил мужчина у двери.

— Ваше остроумие, полагаю, тоже.

Джулиан представил Изабель: Клара Уинн, архивист; Феликс Арден, реставратор театральных декораций; Ребекка Стоун, консультант по связям с общественностью. Томас во-

шёл последним и занял место у окна.

Первой Изабель запомнила не лица собравшихся, а руки. У Клары на среднем пальце оставался синий след чернил; у Феликса — старый порез, пересекавший ладонь; Ребекка те-ребила застёжку браслета, не позволяя себе ни одного лиш-него движения. Джулиан держал стакан обеими руками, точ-но слушал собеседника очень внимательно. Томас стоял ря-дом с дверью, словно ждал школьного звонка, чтобы отпу-стить класс.

— Предлагаю хотя бы узнать, откуда мы, — сказал Томас.
— Не как на допросе. Обычным образом.

Ребекка фыркнула:

— Сейчас выяснится, что мы все любим путешествовать и не любим ложь.

— Я не люблю, когда меня куда-то заманивают, — ответил Феликс. — Пожалуй, у нас уже есть общая тема.

Клара закрыла альбом. Она успела заметить, что на фото-графиях дома отсутствует несколько лет: после 2005-го стра-ницы начинались только с 2012-го. Такой пропуск мог быть случайностью, если бы альбом не заполняли последователь-но, аккуратными почерками зрителей.

— Вы все получили одинаковые письма? — спросила она. Джулиан предложил выложить их на стол. Бумага дей-ствительно совпадала, но вложения оказались разными. У Клары была копия приходной книги, Феликсу прислали ка-рандашный рисунок лестницы, Томасу — школьную отмет-

ку, датированную годом, которого не должно было быть в его учебной истории. Ребекке пришла кассетная фотография с семью размытыми лицами. Она никому не позволила прикоснуться к ней.

— Вы уже видели меня? — неожиданно спросила Изабель у Джулиана.

— Кажется, сегодня вечером, в холле. Почему вы спрашиваете?

— Потому что вы несколько раз посмотрели на меня так, будто собирались назвать другим именем.

На мгновение в библиотеке стало слышно, как дождь дробит по металлическому отливу. Джулиан улыбнулся, и стало ясно, что именно для таких случаев он годами тренировался улыбаться.

— У врачей профессиональная подозрительность, — сказал он. — Понимаю. У юристов то же самое.

— Не думаю, что это профессиональное.

Томас предложил чай. Ребекка отказалась, но через минуту сама взяла чашку. Изабель вдруг поняла, насколько молодыми выглядят все эти взрослые люди, когда отвлекаются от собственной защиты. Даже Джулиан, который говорил как человек, привыкший входить в комнаты первым, принял печенье так осторожно, будто ожидал, что его сейчас отнимут.

Клара наклонилась к Изабель:

— Я почти уверена, что фотография у Ребекки подлинная. Видела такой тип бумаги в семейном архиве. Но не могу

понять, кто сделал снимок и зачем потом стёр с него фон.

— Может быть, она сама?

— Возможно. Но мне кажется, кто-то хотел оставить только лица. Без дома, без даты, без доказательства, где эти дети находились.

Ребекка тем временем поднялась и подошла к окну. Её отражение смешалось с дождём. Она пыталась выглядеть равнодушной, но Изабель заметила, что стакан воды в руке женщины дрожит. Страх пришёл сюда раньше угроз и убийств. Он просто давно жил в каждом из них под другими именами.

— Итак, — Джулиан заговорил таким тоном, словно уже руководил собранием. — Прежде чем нам подадут ужин, предлагаю обменяться информацией. Очевидно, каждый получил письмо.

— А вы очевидно считаете, что обязаны здесь председательствовать, — заметила Ребекка.

— Кто-то должен начать.

— Начните с того, почему вы получили приглашение.

Джулиан улыбнулся без тени смущения.

— Мне обещали сведения о моей семье.

— Слишком расплывчато, — сказала Клара, не поднимая глаз от альбома.

— Вы хотели подробностей от незнакомца? Это было бы странно, не находите?

— Странно, что нас собрали в доме на острове, — вставил Феликс. — А нежелание говорить о семье вполне обыч-

новенно.

Изабель внимательно смотрела на Клару. Женщина перевернула страницу альбома, но не взглянула на иллюстрацию. На её колене лежала тонкая папка, которую она закрыла сразу после появления остальных.

— Мне написали, что знают, откуда у меня шрам, — сказал Феликс, закатывая рукав. На внутренней стороне предплечья тянулась белёсая дуга. — А я-то думал, что знаю. Не очень верю людям, которые присылают угрозы на дорогой бумаге.

— Это не угроза, — сказал Томас. — По крайней мере моя.

— Тогда тебе повезло.

Ребекка наконец села. Она не выпускала телефон из рук.

— У меня в письме было имя женщины, которую я не видела двадцать лет. Я приехала, чтобы узнать, кто его помнит. И, если понадобится, подать в суд.

— Вы помните женщину? — спросила Изабель.

— Имя. Это разные вещи.

Клара подняла взгляд и неожиданно произнесла:

— Кто-нибудь из вас слышал о «Доме святой Эдит»?

Феликс перестал крутить кольцо на ключах.

Томас нахмурился.

Джулиан взял со стола бокал, сделал небольшой глоток и поставил его на место.

— Что это? — спросил он.

— Детское учреждение, — ответила Клара. — Закрылось много лет назад.

За несколько минут до ужина гости попытались говорить о пустяках. Томас рассказал про школьный спектакль, в котором один ученик забыл текст и заменил трагический монолог списком покупок своей матери. Феликс засмеялся слишком громко, а потом объяснил, что однажды строил для театра вращающуюся лестницу, но актёр боялся на неё подниматься. Ребекка, впервые за вечер, улыбнулась без усилия.

— Вы действительно можете построить любую комнату? — спросила она Феликса.

— Почти. Но только такую, которой не надо пользоваться каждый день. В театре двери всегда выглядят прочнее, чем есть на самом деле.

Клара спросила, как отличить подлинную архитектуру от поздней перестройки. Феликс оживился, стал рассказывать о древесных кольцах, лаке, металлических соединениях. Он говорил уверенно, словно наконец попал в место, где можно не защищать собственную биографию. Изабель наблюдала за ним и подумала, что страх иногда проходит не после успокаивающих слов, а когда человеку разрешают быть собой.

— Вы когда-нибудь работали в этом доме? — спросил Джулиан.

Феликс покачал головой.

— Нет. Но мне кажется, что я его видел прежде. Не все комнаты. Запах лестницы, свет над кухней. Очень похоже на

место, где я жил мальчиком.

Все замолчали. Он произнёс это без загадочности, почти с неловкостью. Клара призналась, что и ей знакома оранжерея, хотя не помнит ни одного посещения. Ребекка сказала, что похожие дома встречаются в Англии повсюду. Её слова были слишком быстрыми. Изабель поняла, что узнавание уже началось, но каждый сопротивляется ему по-своему: Феликс шуткой, Клара исследованием, Ребекка отрицанием, Джулиан разумными объяснениями.

Томас предложил записать впечатления до того, как они увидят документы. Если позже возникнут споры, у них останется первое свидетельство, ещё не изменённое чужими рассказами. Довод был хорош. Джулиан назвал идею излишней. Феликс всё-таки взял листок и написал одно слово: «Лестница». Изабель позже найдёт его лист среди салфеток. По черк будет таким же неровным, как в блокноте с обещанием Молли.

— И при чём здесь мы?

— Этого я пока не знаю.

В наступившей тишине часы в холле отмерили четверть часа. Изабель почувствовала, как один знакомый звук пробивается сквозь память, но за ним не обнаруживается ничего, кроме темноты.

— У меня вопрос, — произнёс Томас. — Если нас шестеро, почему хозяйка сказала, что ужин рассчитан на семерых?

Все обернулись. Он кивнул на открывшуюся дверь столо-

вой.

Там горели свечи. На длинном столе стояли семь серебряных подставок и семь бокалов. Один стул, ближе к окну, был отодвинут, словно его владелец задержался на несколько минут.

Ребекка медленно положила телефон на диван.

— Может, тот, кто нас пригласил, собирается присоединиться.

— Может, — сказал Джулиан.

Но на мгновение, когда он увидел седьмой бокал, его спокойная улыбка исчезла.

ГЛАВА 5. СЕДЬМАЯ ТАРЕЛКА

До ужина оставалось десять минут. Изабель стояла в столовой и смотрела на семь приборов.

Льняная скатерть была гладкой, на каждом месте лежала карточка. Она прочитала шесть фамилий — Уэст, Фрост, Уинн, Арден, Стоун, Элвуд. Седьмая карточка была перевёрнута.

Рядом возникла Мэйбл с кувшином воды.

— Кто будет сидеть здесь? — спросила Изабель.

Мэйбл посмотрела на пустой стул.

— Это место для человека, который расскажет вам правду.

— Хозяина?

В соседней комнате звякали тарелки. Мэйбл работала

быстро, привычными движениями человека, который слишком хорошо знает путь от буфета до стола. Изабель предложила помочь, но получила вежливый отказ. Тогда она задержалась у дверей и обнаружила, что Мэйбл накрывает стол строго по схеме: каждому прибору соответствует карточка, каждому стулу — расстояние до следующего в ладонь. Даже свечи стояли так, чтобы не загромождать лица.

— Вы устраивали здесь раньше большие ужины?

— Нет, — ответила Мэйбл. — Я никогда не приглашала столько людей одновременно.

— Тогда откуда уверенность в том, как всё должно выглядеть?

— Я много раз представляла этот вечер.

Мэйбл поправила салфетку возле седьмого места. Её руки были сухими, на костяшках виднелись трещинки от чистящих средств. На безымянном пальце не было кольца, но белая полоска кожи указывала, что когда-то оно там находилось. Изабель не спросила. У людей, которых она видела в больнице, всегда обнаруживались вещи, о которых они имели право не рассказывать.

— А если никто не придет? — произнесла она.

Мэйбл улыбнулась впервые за вечер — коротко, без радости.

— Я приготовила бы ужин для себя. И всё равно поставила семь тарелок.

На кухне пахло тимьяном, поджаренным хлебом и ябло-

ками. Для такого дома ужин оказался неожиданно простым: запечённая рыба, овощи, суп из корнеплодов. Мэйбл объяснила, что не хотела приглашать повара. Изабель услышала за этим другое: она не хотела посторонних свидетелей.

Дверь в хозяйственную кладовую стояла приоткрытой. На полу лежал ящик с чистыми папками, рядом — коробка батареек и упаковка кабелей. Изабель отметила оборудование машинально. В эту секунду из столовой донёсся смех Томаса, затем резкий голос Ребекки. Мир ещё притворялся обычным светским ужином.

— Вы боитесь кого-нибудь из них? — спросила Изабель.

Женщина долго смотрела на коробку с тарелками, которую держала в руках.

— Я боюсь, что они ничего не вспомнят. Тогда всё, что я делала, окажется зря.

— Память ненадёжна.

— Бумаги надёжнее?

Изабель не нашла немедленного ответа. Ей приходилось видеть ошибочные записи о диагнозах и сроках смерти, неправильно переписанные фамилии, страницы, где человек превращался в набор цифр. Система была необходима, но сама по себе не обещала справедливости.

— Надёжнее, когда их несколько и они не противоречат друг другу, — сказала она.

— Вот именно, — тихо отозвалась Мэйбл. — Я тоже так думала.

Когда все вошли в столовую, Изабель заметила у пустого стула крошечную царапину на полировке. Наверняка старую. Но ей вдруг представилось, сколько раз этот стул отодвигали и возвращали на место, прежде чем пригласить людей, которым он предназначался. Кто-то готовился не к ужину, а к разговору длиной в двадцать один год.

— Нет.

— Значит, вас?

Мэйбл не ответила. Осторожно поставила кувшин и перевернула карточку ладонью к скатерти так, чтобы Изабель не успела увидеть надпись. Движение было небрежным только внешне; пальцы женщины дрожали.

— Вы всегда так загадочно говорите с гостями?

— Сегодня у меня первый ужин такого рода.

Мэйбл вышла. Изабель посмотрела на дверь вслед ей и заметила на стене старый звонок для прислуги. Вместо шести комнат на эмалированной табличке было обозначено семь. Последнюю кто-то закрасил чёрным лаком.

Ужин начался в восемь. Никто не присоединился к гостям. Мэйбл подала овощной суп, затем запечённую рыбу и исчезла в коридоре. Остальные ели рассеянно. Феликс проверял телефон каждые несколько минут, Клара смотрела на пустое место, а Джулиан, казалось, намеренно поддерживал легкомысленную беседу о дорогах и погоде.

— Вы ведь врач? — спросил он у Изабель.

— Да.

— Значит, вероятно, лучше других умеете не паниковать.

— Умею распознавать, когда люди начинают паниковать.

Это не одно и то же.

— Справедливое замечание.

— Вы юрист?

— Иногда это звучит как обвинение.

— А иногда как попытка понять, кто станет цитировать закон, когда понадобится открыть дверь.

На противоположном конце стола Ребекка рассказывала Томасу, как однажды корпоративный клиент потребовал убрать из новостей фотографию собственного ареста. Томас слушал с усилием. Он был единственным, кто почти не касался еды.

Потом Феликс вдруг спросил:

— А помните запах мыла с лавандой?

Никто не понял, к кому обращён вопрос.

— В каком смысле? — уточнила Клара.

— Не знаю. — Феликс потёр пальцы о салфетку. — Когда Мэйбл открыла дверь, я почувствовал этот запах. И вспомнил что-то... лестницу, воду, старый шкаф. Какое-то глупое детство.

— У каждого было детство, — заметила Ребекка.

— У некоторых — даже своё.

Слова повисли в воздухе. Феликс произнёс их шутливо, но больше никто не улыбался.

Мэйбл появилась снова с небольшой шкатулкой. Поста-

вила её на середину стола.

— Пожалуйста, откройте. Здесь документы для каждого из вас.

— А тот, кто нас пригласил? — спросил Джулиан.

— Он здесь.

— Где?

Мэйбл посмотрела на седьмой стул. Затем — на людей по кругу.

— Это вы поймёте, когда прочтёте.

Она быстро вышла. Изабель едва успела заметить, что Мэйбл коснулась пальцами цепочки на шее, словно проверила, на месте ли медальон.

В шкатулке было шесть папок, перевязанных тонкими серыми лентами. Каждая отмечена именем гостя. Изабель взяла свою. Первым листом лежало цветное изображение старого свидетельства. Печать округа, дата, подпись регистратора. Она машинально прочитала строку с именем и не сразу поняла смысл следующей.

«Дата смерти: 12 ноября 2005 года».

Под строкой значилось её детское имя — Алиса Роуэн.

— Это какая-то отвратительная шутка, — прошептала Ребекка.

Феликс резко отодвинул стул. Клара закрыла лицо ладонью. Томас смотрел в папку, не моргая.

Перед тем как гостям подали горячее, Ребекка заговорила о детстве, как будто эта тема возникла случайно. Она спроси-

ла, верит ли кто-нибудь в ранние воспоминания. Томас сказал, что некоторые дети удивительно точно помнят запахи и голоса, хотя забывают даты. Клара добавила, что архивы редко помогают понять чувства. И лишь Джулиан уверенно произнёс: по-настоящему важно то, что человек делает сейчас.

— Удобная теория, — заметила Ребекка. — Можно просто не вспоминать ничего неприятного.

— Это не значит, что прошлое нужно уничтожать, — ответил он.

Изабель услышала в разговоре странное противоречие. Джулиан настаивал на настоящем с таким упорством, будто прошлое было не темой беседы, а обвинением. Она спросила, остались ли у него детские фотографии. Он сказал, что родители переезжали много раз, и часть вещей потерялась. Ребекка призналась: она хранит всего один снимок, потому что остальные вызывают у неё тошноту.

Томас неожиданно рассказал о женщине, научившей его читать. Он не помнил её лица, но слышал во сне, как она произносит букву «р» с забавным раскатистым звуком. Клара предположила, что женщина могла работать в приюте. Разговор на минуту превратился в поиск: кто помнит камин в детской комнате, кто помнит колокольчик, кто запомнил запах яблочного пирога. Каждый добавлял маленькую деталь, а вокруг складывался дом, который они ещё не признали общим.

Мэйбл стояла у двери с пустым подносом. Изабель заметила, как побледнели её пальцы. Она слышала каждое слово и словно выбирала, когда можно вмешаться. Наконец Мэйбл вошла и поставила на стол седьмой бокал, который по ошибке забрала на кухню. Ребекка усмехнулась:

— У нас появился тайный почётный гость?

— Он не тайный, — тихо сказала Мэйбл. — Просто вы ещё не знаете, как его зовут.

Джулиан поднял глаза. Его реакция была почти незаметной, но Изабель уловила в ней мгновенный расчёт: кому известно это имя, какие документы готовы, сколько времени остаётся до того, как их покажут.

Джулиан оставался неподвижным. Только большой палец его правой руки медленно провёл по краю бумаги — одно и то же движение три раза подряд.

Изабель подняла голову.

— Эти документы настоящие?

Из-за закрытой двери донёсся голос Мэйбл:

— Насколько мне удалось установить, да.

— Тогда почему мы здесь?

Вместо ответа зазвучала музыка: короткий фрагмент старой фортепианной мелодии. Свет в столовой дрогнул. На противоположной стене включился экран, скрытый до этого за деревянной панелью.

Белые буквы появились на чёрном фоне.

«Вас шестеро. Вас похоронили двадцать один год назад».

Следующая строка возникла через несколько секунд:

«Но за столом должно быть семеро».

И последняя:

«Первый из вас умрёт в девять».

Изабель обернулась к часам на каминной полке. Было во-семь сорок девять.

В холле огромный маятник отбил девять ударов.

ГЛАВА 6. ПРОТОКОЛ СМЕРТИ

Несколько секунд никто не двигался. В столовой слышался только шум прибора, приглушённый толстыми стёклами, и тихое потрескивание фитилей.

— Выключите это, — сказала Ребекка. Голос прозвучал чересчур громко. — Какой бы ни был идиот, который всё устроил, он должен знать: это уголовное преступление.

Джулиан первым подошёл к экрану. Его рука скользнула по краю рамы в поисках выключателя.

— Панель встроена в стену. Кто-то подготовился основательно.

— Вас, кажется, больше волнует техника, — заметила Изабель.

— Я стараюсь понять, что происходит. А вы?

— Стараюсь увидеть человека, который принёс сюда эти папки.

Она прошла к двери. Коридор был пуст. Из кухни доносился шум проточной воды. Изабель толкнула дверь плечом.

Мэйбл стояла у раковины и держала в руках тарелку, с которой стекала вода. Она не мыла её. Просто смотрела в стену.

— Вы видели экран?

Свидетельство о смерти было напечатано на бумаге, которую невозможно отличить от любого другого государственного документа. Именно это пугало больше всего. На ней не было кровавых отпечатков, страшных символов, ни одного признака угрозы. Только печать, дата, место регистрации и старое имя, которое Изабель прежде никогда не произносила.

Томас накрыл свой лист ладонью. Ему было трудно принять, что бумага сильнее памяти. Он помнил семью, в которой вырос, выпускной вечер, первую работу, как однажды зимой прождал школьный автобус вместе с девочкой, потерявшей варежки. Всё это не могло быть ложным из-за штампа, поставленного чиновником двадцать лет назад. И всё же документ сообщал, что тринадцатилетний Томас Элвуд умер в море.

— Может, это однофамильцы, — сказал он.

Клара медленно покачала головой:

— Однофамильцы с теми же датами рождения и фотографиями? Слишком много совпадений.

Ребекка заставила себя прочитать справку вслух. На третьей строчке сбилась. Никто её не поправил. Когда она дочитала до фразы о невозможности идентификации тел, засмеялась таким чужим смехом, что Изабель невольно встала.

— Всё прекрасно, — сказала Ребекка. — Я умерла, но каким-то образом продолжаю платить налоги. Наверное, бухгалтерия ада работает лучше местной.

— Там не написано, что обнаружены тела, — заметила Клара. — Написано, что их не нашли.

Джулиан поднял взгляд. У него была особенная манера: прежде чем что-нибудь возразить, он будто давал собеседнику маленький шанс передумать.

— Это меняет юридическую сторону, — произнёс он. — Но не объясняет, почему мы здесь.

Изабель заметила, что он ни разу не спросил, кто выдал справки. Его волновали последствия, не источник. Возможно, так привыкли думать профессионалы. Возможно, он уже знал ответ.

Она попыталась построить простую последовательность. Сначала шесть детей исчезли из учреждения. Затем некий чиновник оформил их гибель. После этого появились новые документы, позволившие им жить под другими именами. Чтобы схема работала, недостаточно было одного недобросовестного воспитателя. Нужны люди, которые возили детей, расписывались в журналах, получали деньги, закрывали расследование.

— Если это правда, — сказала она, — тогда есть не только те, кто нас спрятал. Есть ещё те, кто нам поверил. Врачи, школы, новые семьи. Большая часть этих людей могла ничего не знать.

— А кто знал? — спросил Томас.

На мгновение все посмотрели на Джулиана. Тот выдержал взгляд без заметного усилия.

— Начать можно с подписей, — сказал он.

Клара аккуратно отложила бумаги. В её движении было что-то торжественное, как у реставратора, обнаружившего под поздней записью текст, который ещё можно спасти. Она не знала, успеет ли.

Мэйбл медленно кивнула.

— Это не то, что должно было появиться.

— А что должно было?

Женщина открыла рот. За спиной Изабель появились остальные, и Мэйбл сразу отвернулась.

— Я должна позвонить владельцу, — сказала она.

— Вы только что сообщили, что хозяин здесь, — напомнил Джулиан.

— Я так не говорила.

— Тогда кому вы звонили, когда мы приехали?

Ребекка протиснулась вперёд и схватила со стены старый телефон. Поднесла трубку к уху. Длинный гудок отсутствовал.

— Бесполезно. Линия мертва.

— В доме есть мобильный усилитель? — спросил Томас.

— Связь обычно работает у ворот, — ответила Мэйбл. —

И есть аварийная радиостанция в служебном крыле.

— Где именно? — быстро спросил Джулиан.

Мэйбл посмотрела на него так, словно впервые заметила.
— Зачем вам?

— Потому что сообщение обещает убийство через несколько минут, а вы обсуждаете телефонные линии.

Изабель вернулась в столовую за своей папкой. Документ выглядел подлинным: печать, регистрационный номер, выцветшие следы складывания. Рядом лежала ещё одна страница — выписка из отчёта о дорожном происшествии. Она прочитала её быстро, затем ещё раз, медленнее.

Белый микроавтобус. Ночь. Дорога через отмель. Шторм. Предположительное падение в море. Шесть несовершеннолетних пассажиров. Тела не обнаружены. Впоследствии смерть признана официально.

Но строка о пассажирах была написана странно: «Согласно предоставленным спискам перевозки». Не «согласно показаниям очевидцев», не «согласно записи камеры». Словно сам факт нахождения детей в машине никто не видел.

— Здесь говорится, что я умер одиннадцатого ноября, — сказал Томас, стоя у буфета. — Но я точно помню, как мама покупала мне ботинки на Рождество в том году.

— Приёмная мать? — спросила Изабель.

Он удивлённо взглянул на неё.

— Да. Откуда вы знаете?

— Я тоже была удочерена.

— Все мы, кажется, — сказал Феликс.

Он произнёс это невесело. Развернул папку так, чтобы бы-

ло видно старый фотоснимок. Мальчик лет тринадцати стоял возле деревянной двери. На скуле — длинная ссадина. Это был Феликс, но одновременно совершенно другой: худее, с незнакомой настороженностью в глазах.

— Моим родителям сказали, что я пережил крупный пожар. Фамилию мне сменили по решению опекунского совета. Я не помню почти ничего до четырнадцати лет. Иногда мне снилась вода. Никто не считал это странным.

Ребекка открыла собственную папку и резко захлопнула.

— В моей фамилии ошибка.

— Какая? — спросила Клара.

— Здесь написано «Ребекка Моррис». Мою фамилию никогда так не писали.

В папке Клары находился снимок газетной полосы. Изабель развернула его и увидела заметку об исчезновении детей. Фотография выглядела иначе, чем на телефоне: водительская дверь автомобиля была открыта, а возле колеса лежал след длинной верёвки. Статья приводила слова следователя: бушующее море не позволило полностью обследовать место происшествия. Несколько свидетелей утверждали, что машина ушла под воду, но источник этих показаний не назывался.

— Почему в деле нет заключения о телах? — спросила Изабель.

Клара показала на печать. Суд принял решение о признании пропавших умершими позднее, в установленном поряд-

ке, опираясь на обстоятельства катастрофы и отсутствие сведений о людях. Для таких решений не всегда требовалось обнаружить тела. Страшным было не само юридическое правило, а то, как им воспользовались взрослые, заранее уверенные, что дети не смогут возразить.

Ребекка спросила, можно ли отменить решение. Джулиан ответил, что при наличии доказательств жизни человека — да, но затем возникнут десятки вопросов о новых документах. Томас побледнел: он преподавал под именем, которого при рождении мог не иметь. Изабель успокоила его: установление происхождения не делает автоматически недействительными все отношения, заключённые человеком за годы жизни. Она не была юристом, но умела отличать факт от катастрофических догадок.

— Не позволяйте этой бумаге объявить вас несуществующими второй раз, — сказала она.

Томас посмотрел на неё с благодарностью. Джулиан, напротив, отвёл взгляд. В его понимании разговор о документах был ещё одним способом добиться послушания: запугать людей потерей работы, наследства, опеки над детьми. Изабель невольно отняла у него часть этого инструмента, просто отказавшись соглашаться с худшим исходом без доказательств.

Она заглянула в последнюю страницу папки. Там был перечень фамилий, подписей и печатей. Одна строка выделялась: рядом с именем воспитанника стояло слово «свиде-

тель». Ребёнок не мог законно подтвердить все обстоятельства взрослого преступления, но кто-то всё же пытался приписать ему словам вид доказательства. Изабель мысленно отметила страницу и закрыла папку. Понимание пришло позднее: в такой системе взрослым нужен был не только новый паспорт для ребёнка. Им нужен был ребёнок, которому можно приписать взрослую ложь.

— Раз вы уверены, — тихо ответила Клара, — возможно, вам стоит посмотреть фотографию на второй странице.

Изабель заметила, что архивист не выглядит удивлённой. Она скорее прислушивалась к реакции остальных, как человек, заранее знающий правильный ответ и проверяющий, найдут ли его другие.

В коридоре резко хлопнула дверь. Все обернулись. Феликс поднялся.

— Я проверю. А вы перестаньте спорить о фамилиях. Если у дома есть выход к дороге, я хочу его увидеть.

— Давайте держаться вместе, — предложил Томас.

— Тогда кто-нибудь пусть идёт со мной.

Но никто не сдвинулся. Феликс с презрением оглядел компанию и ушёл в сторону холла.

Изабель подумала о Еве. О том, что в её собственных документах имя матери было вписано другой рукой. Сколько раз она видела эти бумаги? Почему ни разу не задумалась?

Экран снова мигнул, и белые буквы сменились цифрами обратного отсчёта. Тринадцать минут. Двенадцать пятьдесят

девять. Двенадцать пятьдесят восемь.

— Это уже не смешно, — прошептала Ребекка.

Изабель положила папку на стол.

— Никто не остаётся один, — сказала она.

Но было поздно. Феликс уже вышел из комнаты.

ГЛАВА 7. НЕЗАПЕРТАЯ ДВЕРЬ

Апрель 2022 года

Феликс работал над декорациями новой постановки, когда режиссёр попросил построить дверь, которая открывается только изнутри. «Это символ», — объяснил режиссёр. — «Человек сам запирает себя». Феликс сначала засмеялся, а затем неожиданно отказался. Он мог построить дверь с невидимым механизмом, но не хотел участвовать в истории, где виноватым объявляют того, кого однажды заперли.

Разговор закончился ссорой. Режиссёр обвинил его в чрезмерной чувствительности и предложил недельный отпуск. Феликс уехал к морю. Там ему впервые за много лет приснилась девочка по имени Молли, сидящая на ступени с деревянным квадратиком в руках. Она спрашивала не о том, почему он не пришёл, а о том, где теперь находится их дом без замков.

Проснувшись, он понял, что не помнит фамилии девочки. В приюте её почти никогда не называли официально. Кто-то говорил Молли, кто-то «дочь Лены», некоторые воспитатели делали вид, что ребёнка вообще не существует. Феликс

начал искать. Сначала в открытых списках воспитанников, затем в старых газетах, позже в объединениях людей, ищущих сведения об усыновлении. Он писал запросы и получал ответы, в которых было больше вежливых формул, чем полезной информации.

Однажды письмо пришло от женщины по имени Сара, которая много лет занималась историей закрытых приютов. Она спросила, почему Феликс уверен, что существовала седьмая девочка, если во всех отчётах их было шестеро. Феликс ответил, что помнит её руки и смех. Женщина попросила доказательства. Он прислал рисунок с семьёю кроватями.

Ответа не было две недели. Затем Сара сообщила, что нашла старую опись имущества. В ней упоминалась детская раскладушка, не закреплённая ни за одним воспитанником. Это ничего не доказывало, но Феликс впервые получил независимое подтверждение маленькой части своей памяти. Он перечитал письмо десятки раз.

В мастерской Феликс построил макет дома, похожего на тот, который они придумывали с Молли. Семь небольших комнат выходили окнами в сад. У каждой двери имелась ручка с обеих сторон. Коллеги считали макет подготовкой к новой постановке. Феликс не объяснял. Он боялся сглазить поиски, хотя не верил в приметы. Зато начал записывать всё: имена, адреса, маленькие совпадения, бесполезные на первый взгляд слова.

Его личная жизнь постепенно отступила на второй план.

Женщина, с которой он встречался, сказала однажды: «Ты ищешь не девочку. Ты ищешь себя до той ночи». Феликс разозлился, потом долго думал об этом. Возможно, она была права. Он хотел встретить Молли не только ради неё, но и ради мальчика, который обещал прийти и всю жизнь считал себя предателем.

Когда спустя четыре года Феликс получил письмо с приглашением в Грейвен-холл, он несколько минут просто стоял возле стола. Он не знал, кто вспомнил его и каким образом получил нынешний адрес. На обороте письма стоял рисунок лестницы, один из тех, что он бессчётно раз изображал по памяти. Он решил ехать.

На вокзале купил в подарок маленькую металлическую фигурку яблони. Смущённо спрятал её в карман — вдруг взрослая Молли сочтёт это глупостью. Фигурка останется в его вещах после смерти, и Мэйбл найдёт её только во время следствия. Она поймёт, что Феликс всё-таки собирался вернуться с подарком, пусть и через двадцать один год.

* * *

Феликс не боялся темноты. Он боялся комнат, где нет выхода.

В двенадцать лет его однажды заперли в узком чулане за разбитую тарелку. Он не помнил лица человека, повернувшего ключ, но прекрасно помнил запах сырой штукатурки и тонкую полоску света на полу. С тех пор в любом помещении он первым делом отмечал двери и окна. Эта привычка по-

могала на работе: старые театры любили прятать пожарные лестницы за фальшивыми стенами.

Теперь она же привела его в служебную часть Грейвен-холла.

Там не было ковров. Пол покрывали грубые плитки, стены пахли известкой и морской солью. Где-то негромко капала вода. Феликс прошёл мимо кладовой и заметил на полу свежую царапину: кто-то недавно отодвигал тяжёлый шкаф. За ним, судя по старым отметинам на стене, находился дверной проём.

До этого вечера Феликс никогда не рассказывал никому, почему в его мастерской отсутствовали внутренние замки. Коллеги считали его чудачком: человек, который строит на сцене дворцовые комнаты, отказывается ставить задвижку даже на туалет. Он отшучивался, что актёры всё равно потеряют ключи. Настоящее объяснение было слишком маленьким, чтобы взрослый мужчина мог произнести его без стыда: в детстве он однажды провёл ночь, прижимаясь ухом к двери.

Он помнил девочку по имени Молли. Её лицо сохранилось неровно: прядь волос за ухом, щель между передними зубами, упрямый подбородок. Гораздо яснее осталось то, как она разговаривала через стену. Не спрашивала, когда её выпустят. Рассказывала ему про яблоневый сад, которого в Грейвен-холле никогда не было. Она придумывала его, чтобы им обоим не было страшно.

Когда Феликс вырос, он стал строить вымышленные пространства для театров. На сцене яблони могли цвести зимой, комнаты раздвигались, а человек, который должен был погибнуть в конце второго акта, снова выходил на поклон. Каждый раз он ловил себя на зависти к этой простоте: нужно всего лишь поднять занавес.

Письмо пригласившего его человека обещало показать, что случилось с Молли. После первого испуга он испытал почти постыдное облегчение. Значит, кто-то ещё её помнил. Значит, он не придумал маленькую девочку, которой обещал вернуться.

Феликс провёл пальцами по шероховатой кромке дверного косяка. Доска была заменена недавно, но верхняя балка оставалась старой. Он мог отличить это по характеру сколов. В школьные годы его приучили думать, что взрослым нельзя задавать вопросы. Мастерство оказалось полезнее послушания: доски не лгали, хотя люди делали это с удивительной лёгкостью.

Наклонившись к петле, он услышал за спиной дыхание. Слишком ровное для человека, случайно забредшего в тёмный коридор.

— У вас были ключи от этой части дома? — спросил Феликс, ещё не оборачиваясь.

Ответ последовал не сразу.

— Я хотел убедиться, что вы не один.

Феликс узнал голос. Он повернулся, собираясь спросить,

почему его собеседник не позвал остальных. Но увидел на рукаве светлое волокно — то самое, что зацепилось за петлю недавно отодвинутого шкафа. Он вдруг понял: тайный проход уже проверяли до него. Кто-то пришёл не на ужин, а на работу.

На секунду Феликсу захотелось уйти, позвать Изабель, рассказать ей всё. Потом он вспомнил маленькую девочку за стеной и собственное обещание. Нельзя было снова бросить дверь закрытой.

Он коснулся дерева ладонью. Шкаф стоял ровно. Пыль на верхней крышке была нарушена. Ещё одна маленькая подробность: у нижней петли дверцы застряла белая нитка, почти невидимая в полумраке.

— Нашёл что-нибудь? — раздалось сзади.

Феликс обернулся. В конце коридора стояла фигура в светлой рубашке. Свет не доставал до лица.

— Может быть. А ты чего здесь?

— Ищу радиостанцию.

— Тогда ищи дальше. Здесь, похоже, замурован старый проход.

Человек приблизился. Феликс услышал слабый запах дорогого мужского парфюма, очень неуместный рядом с сыростью и гниющим деревом.

— Ты уверен, что хочешь туда заходить?

— Я уверен, что хочу отсюда выйти.

Феликс поставил плечо к шкафу. Тот отодвинулся неожи-

данно легко: по полозьям внизу скользнули новые пластиковые накладки. Значит, кто-то позаботился, чтобы тяжёлый предмет можно было двигать без шума. За шкафом оказалась узкая дверь с латунной ручкой.

На дереве над ручкой виднелась старая надпись, выведенная детской рукой: «НЕ ВЕРЬ».

Феликс коснулся букв. И на мгновение вспомнил девочку с тёмными волосами, которая сидела в конце длинного стола и не ела суп. Он принёс ей украденное яблоко. Девочка смеялась, прикрывая рот ладонью. На следующий день её место оказалось пустым.

Откуда взялась эта память? Почему именно сейчас?

Позади что-то щёлкнуло. Он почувствовал движение воздуха, затем сильный толчок в спину. Пятка скользнула по краю ступени, скрытой за дверью.

Феликс успел схватиться за перила. Дерево было гладким от частого использования. Он резко обернулся.

— Ты что, с ума сошёл?

Ответа не последовало. На мгновение он увидел руку — широкую кисть с тонкой белой полоской на костяшке. А потом раздался удар.

Ступени мелькнули перед глазами. Когда Феликс упал, из груди вышел воздух, будто кто-то тяжёлый сел на него. В висках взорвалась боль. Он попробовал подняться, но правая нога не слушалась.

Наверху ступени тихо скрипнули. Человек спускался за

ним.

— Помоги, — выдохнул Феликс, не сразу узнавая собственный голос.

Феликс успел заметить в служебном проходе нечто ещё. На полке рядом с электрощитком лежала пачка квитанций недавней строительной компании. Он изучил одну из них: работы в старом крыле были оплачены фирмой, название которой совпадало со словом, мельком прозвучавшим в разговоре за столом. Феликс не знал, важно ли это. Он просто привык запоминать, кто покупал материалы и кто принимал работу. В любой мастерской по таким мелочам легко выяснить, кто в действительности распоряжается помещением.

Он сунул квитанцию в карман, но тут же вернул на место. Если человек за спиной знает, что он что-то нашёл, утаить бумагу поздно. Лучше сделать вид, будто всего лишь проверяет столярные соединения. Феликс опустился на колено возле шкафа и провёл пальцами по свежему лаку. На поверхности остался след. Он специально не вытер его, надеясь, что кто-нибудь позже увидит, как недавно сюда прикасались.

— Вы реставратор? — спросил человек за спиной.

— Иногда, — ответил Феликс. — В основном строю вещи, которые должны выдержать три часа спектакля. Здесь всё серьезнее.

Ему хотелось обернуться и задать вопрос прямо: почему вы приходили сюда до ужина? Но он медлил. В детстве он часто торопился обвинять Саймона, старшего мальчика, ко-

торый ходил за директором и приносил ключи. Феликс ненавидел его, но с годами начал понимать, что у мальчика было мало настоящей власти. Возможно, именно поэтому теперь взрослый Феликс не хотел ошибиться, увидев человека в коридоре.

— Если вы ищете Молли, — сказал голос, — вам стоило бы спросить у той, кто накрыла стол.

Феликс замер. Никто из гостей не слышал, как он произнёс это имя. Только что оно стало частью его собственной тайны. Он всё-таки повернулся. На секунду ему показалось, что он узнаёт человека не по лицу, а по тому, как тот держит плечи. Но увидеть окончательно не успел.

Человек остановился рядом. От него пахло парфюмом и влажной шерстью.

— Мне очень жаль, — сказал он.

Феликс почувствовал, как пальцы касаются воротника его рубашки. На мгновение решил, что сейчас его поднимут, вынесут в коридор, позовут врача. Вся жизнь человека иногда держится на глупом ожидании чужой доброты.

Потом кто-то сильнее прижал его к ступени.

Последнее, что Феликс увидел, — тонкую белую нитку, зацепившуюся за рукав светлой рубашки.

Наверху хлопнула дверь.

И дом снова стал тихим.

ГЛАВА 8. ТРИНАДЦАТЬ МИНУТ

Цифры на экране продолжали убывать. Ребекка, не выдержав, сорвала салфетку со стола и бросила её в пустой бокал.

— Кто-нибудь может это выключить?

— Не трогайте оборудование, — сказал Джулиан. — Если здесь записано видео, полиция потом захочет его увидеть.

— Полиция? А как мы ей позвоним?

Томас стоял в дверях, прислушиваясь к коридору.

— Феликс давно ушёл.

— Не больше пяти минут, — заметил Джулиан.

Томас привык считать людей по головам. После школьных экскурсий он делал это даже во сне: двадцать семь вошли в автобус, двадцать семь должны выйти. По дороге в столовую он машинально перечислил присутствующих и заметил отсутствие Феликса раньше, чем остальные перестали спорить об экране. Это было так просто, что сначала показалось незначительным.

— Может, он в туалете, — сказал Джулиан.

— Тогда кто-нибудь должен был его видеть, — возразил Томас.

Ребекка встала, но не решилась выйти. На экране менялись цифры. Она каждый раз закрывала глаза за секунду до смены минуты, будто это могло остановить отсчёт. Изабель попросила её сесть и не растирать ладони: на коже уже проступили красные пятна.

— В школе мы делали так, — сказал Томас. — Если кто-то

пропал на экскурсии, не разбегаемся искать по одному. Один остаётся на месте, остальные проверяют комнаты попарно. Потом возвращаются и сверяют список.

— Вы думаете, мы дети? — отрезала Ребекка.

— Нет. Я думаю, нам страшно, и это нормально.

Признание неожиданно подействовало. Ребекка перестала спорить. Даже Джулиан чуть ослабил сжатые пальцы. Томас поймал взгляд Изабель, и она кивнула. Ей нравились люди, которые в опасности не старались казаться героически: рядом с ними было легче работать.

Перед выходом Томас нацарапал на бумаге простой план. Столовая, холл, библиотека, лестница, служебный коридор. Мэйбл поправила расположение одной двери и показала, где всегда стоял старый шкаф. Томас отметил, что она рисует его не как предмет мебели, а как часть архитектуры, будто за ним может находиться что-то ещё.

— Почему вы не показали эту дверь сразу? — спросил он.

— Вы меня не спрашивали, — тихо ответила женщина.

Её слова прозвучали без оправдания. На миг Томас увидел не работницу в сером платье, а испуганного человека, который боится произнести слишком много. Его первая реакция была привычной учительской: спросить, нужна ли ей помощь. Потом он вспомнил, что Мэйбл здесь знает гораздо больше всех них.

Где-то за стеной ударили часы. Электронный отсчёт ещё не дошёл до нуля. Томас сравнил стрелки с собственным

телефоном и нахмурился. Разница составляла одиннадцать минут. Он записал её на полях схемы — не потому, что считал это уликой, а потому, что уже много лет приучал детей: если что-то непонятно, сначала запиши, потом делай выводы.

Изабель посмотрела на телефон. Было восемь пятьдесят восемь. В холле часы показывали девять девять. Если кто-то использовал их для обратного отсчёта, он мог рассчитывать, что испуганные люди не заметят разницы.

— Мы должны найти его, — сказала она.

— Успеем. Сначала надо понять, где радиостанция.

Изабель встретила взглядом с Джулианом. Он говорил спокойно, но не смотрел на экран. Его внимание было сосредоточено на Мэйбл, стоявшей возле кухни. Женщина казалась человеком, у которого на глазах неожиданно рушится тщательно построенный план.

— Возьмите фонари, — попросила Изабель. — Идём все вместе.

Они разделились лишь настолько, насколько позволял широкий коридор. Томас открыл кладовую, Клара заглянула в музыкальную комнату, Ребекка проверила входную дверь. Заперта она не была; снаружи ветер с грохотом распахнул одну створку, и в холл ворвалась морская сырость.

— Значит, нас не заперли, — сказала Ребекка, отчаянно пытаясь превратить этот факт в утешение.

— Попробуйте доехать сейчас до материка, — ответил

Томас.

За порогом начинался мокрый гравий. Дальше, за воротами, место дороги занимало море. Волны били в каменный бордюр и разлетались белой пеной.

Изабель позвала Феликса. Её голос отразился от балок и затих.

На восьмой минуте от начала обратного отсчёта Джулиан сообщил, что нашёл вход в служебное крыло. Он появился со стороны холла и показал на узкий коридор.

— Здесь есть лестница. Возможно, он туда пошёл.

— Как вы поняли? — спросила Клара.

— Дверь приоткрыта.

Мэйбл побледнела.

— Эта дверь должна быть закрыта.

— Разумная предосторожность, учитывая состояние дома, — сказал Джулиан.

Изабель шагнула мимо него. Тёмный проход уходил вниз, к холодному воздуху подвального этажа. На пороге лежала небольшая щепка, будто тяжёлый предмет недавно волокли по полу. Фонарик телефона выхватил деревянные ступени, металлическую трубу вдоль стены и неподвижную ладонь за поворотом.

— Не двигайтесь, — сказала Изабель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.